

ШУРКА В ДЕТСКОМ САДУ

Любила ли Шурка ходить в детский сад? Да, очень любила. Когда мама впервые привела ее туда, а потом пришла забирать, Шурка разревелась, вцепилась в воспитательницу – и ни в какую! Хотя что делай! Еле утащили ее домой.

Теперь Шурка была уже в старшей группе, без памяти любила свою воспитательницу (вообще-то их было две, но одна вскоре уволилась) и имела кучу друзей, самыми верными из которых были Валерка и Андрюшка.

– Нет, вы послушайте только, Елена Алексеевна, вы только послушайте, что произошло! У меня чуть инфаркт не случился! И все из-за поведения вашей Саши!

– Александра, ты что это?

– А что?

– Вот и я спрашиваю, что?

– Мама, мы просто играли...

– Они, понимаете ли, просто играли! – снова возбужденно заговорила воспитательница.

– Да! В путешественников!

– А вчера вы играли в дикарей. Чуть детский сад не спалили! Перемазались все, как чушки, полчаса потом вас отмывали! И как еще не обожглись, удивительно!

Шурка вздохнула. Она не понимала, почему воспитательница так сердится. Что такого они сделали?

Просто убежали с площадки, где играли детсадовцы, нашли укромное местечко, разожгли костер (Валерка принес из дому спички) и стали жарить на костре шашлыки из маленьких пластилиновых шариков, которые сделал Андрюшка. Только начали – прибежала воспитательница. Закричала, затушила костер и всех троих отправила в группу мыться, потому что перепачкались.

И тут случилась новая история. Первой пошла мыться Шурка. Она залезла в ванную. Нянечка намылила ее и, вспомнив, что не взяла свежее полотенце, на минутку вышла. А Андрейка и Валерка, дураки такие, только того и ждали. Они вбежали и, хохоча, раскрыли шторку.

– Ах! – вскрикнула Шурка.

И как была намыленная, выскочила из ванной, намереваясь накостылять обидчикам. Мальчишки побежали в раздевалку, и надо же было такому случиться, что именно в этот момент вернулась воспитательница с детьми.

– Ой! – вскрикнули все дети разом. – Шурка голая!

И стали смеяться.

А однажды еще вот что случилось. Валерка долго болел. Наконец пришел в детский сад и показал Шурке великолепный новенький джип.

– Ух ты! – восхитилась Шурка.

Она знала толк в машинах. У ее старшего брата Лени было много моделек. Он часто показывал ей их и рассказывал о происхождении каждой марки.

– У тебя, что ли, день рождения был?

– Нет. Мне мама подарила джип, потому что я заболел, а ей меня было жалко.

– Здорово! А чем ты болел?

– Ангиной. Воды холодной напился.

И Шурке тут же захотелось срочно заболеть. Она подбежала к крану, но Валерка крикнул:

– Не выйди! В кране вода слишком теплая.

Они вышли на улицу. Недавно прошел дождь: небо затянуло облаками, и везде были лужи. Возле одной такой лужи Валерка вдруг остановился, призадумался на секунду и сказал:

– Вот здесь вода, должно быть, холодная!

– Ты хочешь, чтобы я пила из лужи?

Валерка вздохнул:

– Больше неоткуда.

В другой раз Андрейка спросил Шурку:

– А ты знаешь, как устроена розетка?

– Нет.

– Давай посмотрим?!

– Давай!

Они побежали в кухню, где варила суп повар тетя Соня, подбежали к розетке за холодильником, выдернули вилку. Хотели по-быстрому отвинтить гвоздем закрепляющий розетку винтик – не получилось. Тогда Шурка решила этот гвоздь сунуть в розетку и...

– Ай-ай-ай! – завопила Шурка не своим голосом. Заплакала – видимо, шибануло. Хорошо, что получила лишь ожог пальцев. Могло быть и хуже.

На кухне сразу выбило пробки. А тетя Соня как раз в это время держала в руках кастрюлю с супом. Кастрюля подпрыгнула и грохнулась на пол. Дети остались без первого, а Шурка на всю жизнь запомнила, что ничего в розетку засовывать нельзя.

Однажды после выходных Валерка пришел в детский сад с заплаканными глазами. Он ни с кем не хотел разговаривать, а когда пришла Шурка, пожаловался:

– Я на выходных в цирк ходил, там было так интересно! Я спросил маму, когда мы еще пойдем, а она говорит: «Когда рак на горе свистнет». Когда он свистнет?

– Не знаю. Пойдем, спросим у Нины Артемовны.

И они пошли к воспитательнице. Она в это время разговаривала с другой воспитательницей, что Шурку ничуть не смутило.

– Нина Артемовна! – крикнула она, хватая ее за руку.

– Саша, во-первых, не кричи. Во-вторых, как тебе не стыдно, я разговариваю со взрослым человеком...

– Нина Артемовна, когда рак на горе свистнет?

Строгость мгновенно сбежала с лица воспитательницы. Она засмеялась, взъерошила Шурку волосы и прижала к себе:

– Чудо ты мое в перьях! – проговорила она сквозь смех. – Нет, это ж надо такое спросить! Ох, Шурка, Шурка!..

– Нина Артемовна, чего вы смеетесь?

– Рак на горе никогда не свистнет. Он вообще свистеть не умеет, – ответила за Нину Артемовну другая воспитательница, – когда так говорят, это значит никогда.

– Как никогда? Значит, Валерка никогда не пойдет в цирк? Так не пойдет!

Нина Артемовна сейчас же перестала смеяться.

– Саша, ты что опять задумала?

Но Шурки уже и след простыл.

После полдника дети вышли на улицу. И так получилось, что вскоре пришли мамы и Шуркина, и Валеркина одновременно.

– Здравствуйте! – сказали они.

– Здравствуйте! Валера, мама пришла! Саша... Боже мой, где Саша? Дети, вы Сашу не видели?

– Нет.

Валерка прибежал к маме. Он снова без всякой надежды спросил:

– Мама, ну когда мы в цирк пойдем?

– Я же тебе сказала: когда рак на горе свистнет.

– А если он не свистнет?

И в ту же минуту на пригорке за детской площадкой раздался тоненький неумелый свист.

– Рак! – обрадовался Валерка. – Мама, гляди – рак!

На пригорке шевелилось что-то красное. Валеркина мама, поправляя очки, посмотрела в сторону пригорка. Шуркина мама встала рядом с ней. Рак вдруг с пригорка сполз и, крикнув радостно: «Ой, мамочка пришла!» — кинулся к Шуркиной маме.

— Странно, — сказала Валеркина мама, — никогда не слышала, чтобы раки бегали, да еще кричали человеческим голосом.

А «рак» уже висел у Шуркиной мамы на шее.

— Чем ты измазалась, бестолковая девчонка?

— Краской!

— Сколько раз я тебе говорила, что свистеть в общественных местах неприлично?

— Мамочка, я только один разочек... Я ведь хочу, чтобы Валерка в цирк пошел!

В следующее воскресенье они с Валеркой и его мамой пошли в цирк. Они видели там акробатов, клоунов, воздушных гимнастов, тигров и обезьян. Было очень весело и интересно.

А сегодня они решили стать путешественниками. И не игрушечными, а настоящими, чтобы обязательно побывать в других странах. Для начала хотя бы в одной.

Началось все с физкультуры, самого любимого Шуркиного занятия из всех занятий в детском саду. Инструктор разбил старшую группу на две команды, и Шурка оказалась в конце одной из них, а значит, от нее зависела победа в эстафете. Шурке пришлось бежать с девочкой, которая была гораздо быстрее нее. До последнего она обгоняла Шурку, но в конце концов, ободренная неистовыми криками своих товарищей по команде, Шурка вылетела вперед и первой достигла финишной черты.

— Молодец! — похвалил инструктор. — Чемпионкой мира будешь!

— Как это?

— Значит, разные страны победишь.

— А как туда добраться?

— На самолете можно полететь.

— Вы слышали? — обратилась Шурка к Андрейке и Валерке после занятия. — Нам надо обязательно посмотреть другие страны!

— Где же мы деньги на билеты возьмем?

— В копилках.

— А из садика как убежим?

— В тихий час, пока никто не видит.

Но убежать у ребят не получилось, у ворот их поймал охранник.

— Представляешь, какая неудача? — пожаловалась Шурка маме, когда они вышли из детского сада.

— Да уж, представляю. Но ничего, подожди чуть-чуть, может быть, скоро твое желание исполнится.

На следующий день, придя в детский сад, Шурка еще с порога крикнула:

— Ребята, Андрей, Валерка! Я уезжаю в другую страну!

— В Японию?

— Нет, на Украину — в город Луганск!

— Везет тебе! Мы тоже хотим с тобой!

— Со мной нельзя, папа по делам едет. А мы — с ним, а потом на море отправимся. Да вы не грустите, я скоро вернусь!

Когда вечером Шуркина мама пришла за Шуркой, она подтвердила сказанные дочкой слова. Ребята загрустили.

— Поезжайте, — сказала Нина Артемовна, — отдохните, сейчас как раз лето начнется... На Украине, должно быть, хорошо, и на море, конечно, тоже. Только скажите, когда вернетесь.

— Как только муж в Луганске с делами управится, сразу уедем на курорт к Черному морю, поплаваем, позагораем. Через месяц, думаю, домой вернемся.

— Смотри, Саша, будь умницей, маму слушайся. Я тебя буду ждать!

— Я буду слушаться!

— Ну, до свидания! Счастливого пути!

ЛУГАНСК

Они подъехали к Луганску рано утром. Город широко распахнул перед ними свои объятия. Он дружески принимал их, этот зеленый незнакомый город. Он встретил их запахом сосен, журчанием реки, пением птиц и... рассветом.

ВОЙНА

Рассвет — это настоящее чудо природы. Темно-серое туманное небо вдруг стало нежно-розовым, будто какой-то неведомый художник провел по нему тонкой кистью. И еще раз, и еще. Но вот взошло солнце, туман рассеялся, и все засияло.

«Хороший город!» — подумал Леня и оглянулся на Шурку. Та мирно спала на заднем сидении машины, положив голову на мамины колени. Ее разбудили лишь тогда, когда подъехали к гостинице.

Отдыхали они здорово. В первый же день гуляли по городу. Оказалось, Луганск — прекрасный город. Здесь жили знаменитые люди, один из которых Владимир Даль, автор знакомого всем «Толкового словаря живого великорусского языка». Еще здесь находился музей Пеле — величайшего и известнейшего бразильского футболиста всех времен и народов. Леня был от музея в восторге, а Шурке гораздо больше музея понравился парк сказочных скульптур под названием «Сказочный мир». Здесь были и «Маша и медведь», и «По щучьему велению», и «Соломенный бычок», и «Три поросенка», и «Пчелка Майя» и много-много других. Фотографируясь у скульптур, Шурка корчила такие уморительные рожицы, что проходящие мимо люди, глядя на нее, невольно улыбались.

Узнали, что в Луганске есть «море», которое называется Луганским, — это водохранилище на окраине города. На второй день они катались на лодке по Луганскому морю, ловили рыбу (поймали не очень много, однако удовольствие получили).

На третий день были на аттракционах в столичном парке культуры и отдыха. Там же, в парке, Шурка увидела зоопарк, и ей очень захотелось пойти туда, но он уже был закрыт. Шурка расстроилась, потому что знала: завтра папа закончит свои дела и они уедут.

— Не расстраивайся, Сашенька! Завтра утром еще успеем в зоопарк сходить, — сказала мама.

Утром они действительно пошли. Только не в зоопарк, а в — подвал гостиницы.

В то утро Шурка проснулась от какого-то шума, грохота и криков. Она вспомнила, что вчера в парке аттракционов возле тира тоже было шумно. И играла веселая музыка. И в такт этой музыке веселая черно-волосая девчонка, примерно одних лет с Шуркой, в голубом платье, обшитом снизу белыми полосками, с морским широким воротником и синим галстуком, ловко прокалывала надувные шарики дротиками. Она все шарики полопала и заработала приз — большого плюшевого зайца с длинными ушами и большими синими глазами. А ведь дротиков-то было целых шесть!

Шурка вскочила с кровати и кинулась к окну, возле которого стояли встревоженные родители и Леня. Она была уверена, что за окном происходит что-то очень интересное.

— Папа, что это?

— Это война. Ох, не надо было нам заезжать сюда...

Шурку как током ударило. Она не до конца поняла значение сказанных папой слов, но такой тревожный был у него голос, что Шурке стало жутко, по всему телу пробежали иголки, захотелось плакать. Она вцепилась в мамино платье и посмотрела в окно.

В это время на улице завывла сирена и послышались залпы зенитки.

По серому небу со страшным гулом пролетел военный самолет, и тут же небо вспыхнуло ярким пламенем. Внизу, у входа в гостиницу, метались перепуганные люди. Появились мужчины с автоматами.

Дверь гостиничного номера резко распахнулась, на пороге стоял человек в военной форме.

— В подвал, быстрее!

Все тут же бросились в подвал.

ЗНАКОМСТВО

В полутемном подвале было душно. Лучики света, едва проникающие в щели единственного в подвале узкого оконца, слабо освещали обшарпанные

стены и сидящих здесь людей.

Шурка, дрожа от страха, вцепилась в мамину руку обеими ручонками. Это место ей сразу не понравилось. Еще больше ей не понравилось, когда к маме с папой подошел тот самый человек в военной форме, что-то им сказал, о чем-то попросил. До Шурки только донеслись обрывки фраз: «Вы же медики... Всего на один день... Подвал надежный... Дети в безопасности...» И вышел из подвала.

Мама тяжело вздохнула, наклонилась к Шурке и поцеловала ее.

— Мы ненадолго, скоро вернемся, доченька. Не вздумай выходить из подвала! Слушайся Леню!

— Мама, вы куда? Мама, не надо! Не уходите!

— Солнышко, ничего не бойся! Вы здесь в безопасности. Главное: никуда не выходи! А нам раненым помочь надо.

— Мама!

— Иди, доченька, иди к Лене!

Леня взял Шурку за руку и притянул к себе. Шурка увидела ту ловкую черноволосую девчонку из парка. Она стояла недалеко от Лени. Одной рукой она прижимала к себе длинноухого зайца, другой вытирала мокрые от слез щеки.

— Она тоже здесь одна, без мамы, — сказал Леня Шурке, — я буду вас обеих охранять.

— Я потерялась, — всхлипнув, пояснила девочка, — мы проездом в Луганске. На два дня здесь остановились купить еды в дорогу и город посмотреть. Сегодня с утра мама с папой пошли за продуктами, а меня оставили в нашей машине, я сама попросила. Сначала все хорошо было, а потом... Потом началась стрельба. Я из машины вышла посмотреть, что происходит. Дядьки с автоматами появились. Люди побежали куда-то. И я за ними побежала и оказалась здесь. Бедные мои папа и мама, их ведь убить могут!

— Ой-я-а-а! — Шурка крепче прижалась к Лене, — мамочка!

Она непременно заплакала бы, но не успела. Девчонка отвлекла ее, спросив:

— Леня твой брат, да?

— Ага.

— Вы из России?

— Да.

— Я тоже из России. В Ростове-на-Дону живу. А как тебя зовут?

— Шурка.

— Саша значит. А меня Верочка, а вот его, — она показала на зайца, — Филя. Вы с Леной тоже потерялись?

— Нет, наши родители — врачи. Их позвали помогать раненым.

Послышались автоматные очереди — совсем рядом с подвалом. Шурка закусил губы и крепко вцепилась в желтую футболку Лени. Тот ответил ей ласковым взглядом: «Не бойся, все будет хорошо!» Верочка стиснула в объятиях зайца.

Прогремел сильный взрыв. Девочки вздрогнули, прислушались к возникшей после взрыва минутной тишине. Но понемногу они привыкли к необычной обстановке, и Верочка предложила:

— Саша, давай играть, как будто нашего Филю ранили охотники и он попал в больницу.

— Чур, я буду врачом!

— А я — мамой Филя.

Охотников изображать не хотелось, поэтому перешли сразу к больнице. Шурка положила зайца на пол, встала на колени и дала ему лекарство (конечно, понарошку). Потом достала из кармана штанов носовой платок и перевязала Филю лапу. Появилась Верочка.

— Доктор, ну что? Как он?

— Знаете, он умер.

У Верочки от неожиданности округлились глаза.

— Нет, Шура, так не пойдет! Давай лучше ты его вылечишь.

— Ладно, — Шурка сняла с лапы платок, — заберите его, он здоров.

— Спасибо, доктор! Большое спасибо!

Верочка взяла Филю на руки и поцеловала в мохнатую мордочку.

— Теперь я его буду кормить.

И она стала кормить Филю воображаемой морковкой. Она так аппетитно причмокивала, что Шурка разозлилась.

— Верка, сейчас же перестань, иначе я умру с голоду!

Только теперь девчонки почувствовали, как они сильно проголодались. У Шурки от голода слегка закружилась голова. А Верочка, та сразу ослабла, даже немного побледнела, села на пол, прижалась спиной к стене.

— Вер, ты чего? Что случилось?

— Поесть... Хотя бы чуть-чуть поесть... — тихо сказала Верочка.

Леня, который до сих пор молча наблюдал за их игрой, склонился над Верочкой.

— Ох, а я и не подумал о еде! — и, обернувшись к Шурке, добавил: — Никуда не уходите! Ждите меня здесь, я сейчас.

ЧТО ПРОИЗОШЛО В КАФЕ

Леня выбежал из подвала на улицу и в первую минуту просто остолбенел. Холодный пот пробежал по его спине. Леня увидел разнесенный снарядами парк — тот самый парк аттракционов, в котором они были только вчера. Леня отлично помнил вчерашний день. Помнил, какое было голубое небо. Помнил, сколько народа было вокруг. Помнил, как пронзительно они визжали с Шуркой, всеми силами стараясь не слететь с длинной деревянной скамьи-лады, которая, раскачиваясь, взлетала чуть ли не к самому солнцу. Ветер дергал их за волосы и дул им в лицо. Свежий, теплый, ласковый ветер...

Теперь этот ветер был душным, резким и пах гарью. В парке не было ни души. А по небу ползли тяжелые серые тучи, которые поминутно вспыхивали алыми языками огня. Леня вдруг подумал, что солнце больше не появится. Никогда не появится. Никогда не будут радостно визжать на каруселях дети, и небо никогда не будет голубым.

Может быть, он думал сейчас не как четырнадцатилетний мальчик, а как какая-нибудь маленькая девочка вроде Шурки. Но иначе он почему-то думать

не мог. В этот момент рядом с ним раздался выстрел, длинной очередью застрочил автомат, и на всю улицу затрещало эхо.

Леня опомнился и побежал на другую сторону улицы. Там находилось кафе, где он надеялся найти еду для Верочки и сестры.

В кафе было пусто. Стулья опрокинуты. На столах стояли тарелки с остатками еды. Леня принялся распихивать эти остатки по карманам. Вдруг за дверью послышались тяжелые шаги. Леня юркнул за буфетный прилавок и затаился. В кафе вошли двое военных с автоматами. Оба были в прекрасном настроении.

Один из них, рыжий с живыми карими глазами, положил автомат на прилавок, потер ладони, взял со стоящей перед ним тарелки котлету, сунул себе в рот, прожевал и проговорил, смешивая русские слова с украинскими:

— Гостиницу придется взрывать ночью, понял?

— А почему не сейчас?

— Потому, хлопче, что сейчас оборона у них слишком сильная. Разве ты не видел? Хорошо еще нам удалось просочиться. А к ночи наши сюда подтянутся. Командир сказал, что там, в гостинице, почти все москали. Они даже выбежать не успеют!

Они расхохотались. И чем громче они хохотали, тем сильнее сжималось Ленякино сердце. «Гостиницу взорвут, ночью... Наверняка, нашу гостиницу. Подлецы! Убийцы! Не бывать этому! Не бывать!»

Дрожа от ненависти и злости, Леня выскочил из-за буфетного прилавка, схватил лежавший на нем автомат и выстрелил. Он попал в рыжего. Тот покачнулся и грохнулся на пол. Его товарищ резко обернулся. Леня продолжал стрелять. Лицо военного скорчилось от боли. Он схватился рукой за угол стола и тут же, дав ответную короткую очередь из автомата, упал замертво. Ошеломленный случившимся, Леня выронил из рук автомат, чувствуя страшную боль, прижался спиной к стене и стал медленно сползать на пол. «Девчонки! — мелькнуло в угасающем сознании. — Ведь я обещал... Обещал... Прости, мама!»

ОДНИ В ПОДВАЛЕ

Девочки ждали очень долго, а Ленья все не появлялся.

— Где же он? — волновалась Шурка. — Почему его так долго нет?

— Я сейчас умру от голода, — простонала Верочка.

— Не надо! Не надо умирать!

Шурка вскочила с пола и огляделась. Недалеко от них, у противоположной стены, сидела бабушка в черном платке и черной кофте. В руках она держала пакет с печеньем.

— Бабуля, можно мне немного печенья взять?

— Бери, деточка, конечно, бери. Худенькая ты какая, Господи!

Шурка взяла немного печенья и подошла к Верочке.

— На, ешь скорей.

Верочка разжевала печенье, проглотила, и ей стало лучше. Конечно, она съела не все, а только часть (оставшаяся часть предназначалась для Саши и Лени). Какая-то женщина дала им бутылку с водой.

— Вот хорошо! — обрадовалась Шурка. — У Лени теперь будет не только печенье, но еще и вода.

Голод отступил. Настроение поднялось. Даже тревога за Леню немного улеглась. Шурка предложила:

— Давай играть, как будто мама Фили подралась с охотниками. Не переживай, все хорошо закончится. Мама Фили убьет их.

— Ну уж нет, не буду я так играть!

— А как играть тогда?

— Пусть она скажет охотникам, чтобы они не нападали на ее сыночка.

— А они ее послушаются?

— Если скажет очень строго, то послушаются.

В игре прошло еще некоторое время. Опять захотелось есть, а есть было нечего. Уставшие, голодные, грустные, девочки сели рядышком и долго молчали.

На улице опять послышался треск автоматов. Шурка придвинулась к Верочке вплотную. А Вероч-

ка еще крепче прижала зайца к себе и стала гладить по пушистой, мягкой шерстке, приговаривая:

— Маленький мой, хороший, никогда тебя не отпущу от себя.

Шурка вдруг разревелась. Верочка удивленно посмотрела на нее.

— Почему ты плачешь, выстрелов испугалась?

— Я к маме хочу, — прошептала Шурка сквозь слезы, — и к Лене. Где мой Ленья?

Наступил вечер, а Лени все не было, и родителей не было тоже.

Наконец, Шурка не выдержала. Тяжело вздохнула.

— Я пойду поищу его. Может, он заблудился.

— Саша...

— Не бойся, я же вернусь.

Шурка выбралась из подвала на улицу. На дороге валялись разбитые фонари. В окнах домов выбиты стекла, а небо...

Когда Шурка была совсем маленькая, мама говорила ей, что небо голубое. Повзрослев, Шурка заметила, что оно бывает еще серым, когда идет дождь, или светло-розовым, когда солнце встает или садится. Но сейчас оно было ярко-красным, как... как кровь на Шуркином локте (она поцарапала его, когда выходила из подвала). «Странно, — подумала она, — как все изменилось вокруг. И куда же делся Ленья? Может быть, он где-то поблизости?»

— Ленья! Ле-е-е-ня! — закричала Шурка, и ее голос зазвенел в пустоте улицы. — Ле-е-е-ня, ты где-е-е?

В тот же миг из кустов к Шурке метнулась черная тень. Кто-то большой и сильный заткнул ей рот рукой. Повалил на землю и затащил в какую-то грязную канаву. За поясом у него торчал пистолет.

— Не ори! Если меня заметят из-за твоего крика, я тебя убью.

Шурка окаменела от страха. Она даже дышать перестала. Она думала, что этот человек будет стоять над ней вечно, однако он вскоре ушел, еще раз пригрозив Шурке:

— Закричишь, убью!

Шурка не закричала. Она еще некоторое время посидела в канаве, приходя в себя. Потом осторожно встала и, пригибаясь к земле, побежала обратно в подвал.

Верочка бросилась к ней навстречу.

– Живая! Саша! А... Лени нет?

– Он сказал мне, что убьет!

– Кто сказал?!

– Дядька!

– Кого убьет?!

– Меня!!!

Шурка обхватила руками Верочкину шею и рыдалась.

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ

В тот вечер бомбили долго и страшно. В подвале все, кроме кричащих малышей, притихли: и взрослые, и дети. Некоторые женщины молились.

Шурке и Верочке страшно хотелось спать. Но уснуть не давали вновь появившаяся тревога за Леню и надоевшая уже до невозможности бомбежка.

Вдруг у входа в подвал замаячила чья-то высокая фигура.

– Леня? – прошептала Верочка.

– Пришел?! – подскочила Шурка.

Увы, это был не Леня.

В подвал вбежал мужчина в защитной форме и громко – так, чтобы все услышали, – сказал:

– Граждане! Начался интенсивный обстрел этого района. В подвале находится крайне опасно. За вами приехала машина, вас перевезут в более спокойное место.

Все, кто был в подвале, засуетились, побежали к выходу.

– Мы не пойдем, – шепнула Шурка Верочке, – нам надо дождаться Леню.

– Но как же мы тут будем одни?

– Ничего, как-нибудь будем.

К Шурке с Верочкой подошла женщина, которая давала им бутылку с водой.

– Девочки, девочки, вставайте! Пойдемте скорее со мной к выходу.

– Мы не можем. Нам Леню надо ждать.

– Дождетесь вы тут своего Леню, как же, как же...

– проворчал проходивший мимо старик в сером пиджаке. – Смерти вы тут дождетесь – вот чего!

– Мапочка! – прошептала Верочка.

«А как же Леня и родители?» – подумала Шурка и посмотрела на женщину.

– Ничего, ничего, мои хорошие! – тетенька ободряюще улыбнулась и взяла девочек за руки. – Идемте скорее!

МАМА

То, что девчонки увидели на улице, не поддавалось описанию. Горело все вокруг: земля, дома, небо... Грохотали бомбы, выли сирены, слышался гул самолета, пронзительно свистели осколки разорвавшихся снарядов.

Люди выходили из подвала и поспешно садились в большую серого цвета машину. Верочка с Шуркой тоже подошли к машине, но Шурка вдруг остановилась.

– Заходи скорее, Саша! Тебе что, мало было? Заходи! – закричала Верочка, дрожащим от ужаса и страха голосом.

Но Шурка не обращала на нее внимание. Взгляд ее был прикован к высокой женской фигуре, стоящей у входа в гостиницу. Женщина стояла к Шурке спиной, но Шурка за этот тяжелый день так соскучилась по маме, что чуткому детскому сердечку показалось в женщине что-то очень близкое, знакомое, родное. Наконец-то! О, какое счастье! Какое счастье! Впервые за день Шуркины глаза засияли искренней радостью. Позабыв обо всем на свете, она с громким криком «мама!» бросилась вперед, туда, где один за другим вспыхивали столбы огня, рвались бомбы, и ни на минуту не прекращалась стрельба. «Это война» – всплыли в памяти Шурки слова отца. «Значит, война – это когда нечего есть, когда дядьки в военной форме уводят родителей, когда кругом гремят взрывы...»

– Вернись сейчас же! Тебя убьют! – кричали из машины.

«Ну и пусть убьют! — лихорадочно думала Шурка. — Пусть! Главное — добежать к маме, прижаться к ней крепко-крепко, а там будь что будет!»

Главное добежать... А бежать-то — так страшно и трудно! Всюду гремит, свистит, рвется. От огня и дыма становится тяжело дышать, дым щиплет глаза, голова кружится. «Мамочка моя, мама!» — прошептала Шурка и почувствовала, что задыхается.

«Смерти вы тут дождетесь, вот чего!» — вспыхнули в детской голове слова старика в сером пиджаке. Сердце Шурки застучало сильно-сильно.

Над самым ухом Шурки с противным свистом пронеслась шальная пуля. Какой-то огромный черный шар летел прямо на нее.

— А-а-а! — пронзительно вскрикнула Шурка нечеловеческим голосом и, упав на землю, заколотилась в истерике. Ей хотелось рвать землю зубами, биться о нее головой, а потом бежать отсюда подальше, чтобы не видеть этого ада. «Это война, война, война!» — звенел в ушах голос папы. Так вот что такое война...

Чьи-то руки подхватили Шурку, прижали к себе. Она мгновенно забыла все свои страхи, вцепилась пальцами в ткань майки, облегченно вздохнула: «Мама». И в вот же миг громкое отчаянное «Ах!» вырвалось из ее груди. Женщина, держащая ее на руках, была та самая, которую она заметила, стоя возле машины, но это была не ее мама. Не ее! Не ее!

Слезы хлынули у Шурки из глаз. Женщина нежно погладила ее по голове.

— Зачем ты сюда вернулась, бедняжка моя, а? Ты не ранена?

Шурка не отвечала и продолжала отчаянно рыдать. Ее всю трясло, как в лихорадке. «Мамочка, мамочка, как же так? Ведь я надеялась, побежала... К тебе бежала, мамочка! Как мне тяжело теперь! Как больно!»

Женщина все еще что-то спрашивала, что-то говорила, но Шурка не слушала, не понимала и не хотела понимать. Она знала только одно: это не ее мама.

«Не твоя мама, не твоя!» — стучало в голове. В горле пересохло. Она вдруг почувствовала, что ее сильно знобит.

Как в тумане, увидела она залитое слезами лицо Верочки и еще много чужих лиц. Увидела над головой высокое черно-красное небо, почувствовала, как чьи-то руки подхватили ее, во что-то укутали, услышала, как кто-то сказал тихо:

— Господи, да ведь она же совсем больна, бедная маленькая девочка!

И тут же наступила темнота.

БОЛЕЗНЬ

Это была очень страшная темнота. Она пугала Шурку своей пустотой, душила, оглушала взрывами. Шурка плакала, кричала, звала на помощь родителей, Леню, Верочку. А тем временем кто-то нежной рукой гладил ее волосы, покрывал горячими поцелуями ее лицо и говорил тихо и ласково:

— Успокойся, Сашенька, милая! Успокойся, родная моя! Все хорошо, успокойся!

«Это мама, мама!» — думала Шурка в те редкие минуты, когда сознание возвращалось к ней и она смутно видела склоненное над ней знакомое лицо. Она протягивала к маме руки, та целовала их и плакала, а потом все начиналось сначала...

Но вот что странно. Чем чаще Шурка приходила в себя, тем больше казалось ей мамино лицо знакомым и в то же время каким-то не маминым. Это обстоятельство очень ее тревожило.

Проснувшись однажды в полном сознании и оглядевшись вокруг, она в первую минуту не поняла, где находится.

Она лежала на полу на чьей-то куртке, ее окружали высокие черные стены, возле которых сидели, лежали и стояли люди, а над ее головой сквозь маленькое окошко пробивался тоненький луч света. «Я в подвале!» — поняла Шурка и вспомнила все, что с ней произошло. Вспомнила, как уходили из подвала гостиницы родители, как ушел и не вернулся Ленья, как покинули этот подвал они с Верочкой, как

она, Шурка, побежала к гостинице, потому что думала, что там мама, а дальше... Дальше Шурка заплакала. Тихо и жалобно, уткнувшись лицом в грязный рукав куртки.

СТАРИК ХОТТАБЫЧ

Чья-то жесткая теплая рука легла ей на плечо и осторожно перевернула с боку на спину. Перед ней на коленях стоял высокий старик с длинной седой бородой, а рядом со стариком – Верочка.

– Верка! – прошептала Шурка сквозь слезы.

– Сашенька, милая, узнала! – Верочка бросилась ее целовать. – Узнала меня наконец-то!

– Разве я раньше не узнавала тебя?

– Нет, раньше ты принимала меня за маму.

– Ох! – Шурка перестала плакать, помолчала, потом спросила, указывая глазами на старика: – А это кто?

– Я, о Сашенька, Гассан Абдурахман ибн Хоттаб, – ответил старик за Верочку.

– Как? Волшебник? Неужели?

– Да-да, можешь не сомневаться.

– Ух ты! Здорово! Покажите мне какое-нибудь чудо, а? Только не сейчас, я спать хочу.

– Спи, спи, – сказала Верочка, – а как проснешься, он тебе покажет.

«Надо обязательно попросить, чтобы он вернул нам наших родителей», – подумала Шурка и уснула.

Проснувшись, Шурка почувствовала себя уже не такой слабой, как до сна. Она встала и огляделась. Верочка, прижав к себе Филю, крепко спала, свернувшись калачиком у стены. Старика Хоттабыча рядом с ней не было. Однако вскоре она заметила его невдалеке, облегченно вздохнула и пошла к нему.

В подвале тем временем все занимались своими делами. Кто-то кормил плачущих малышей, кто-то тихо пел грустные песни, кто-то читал невесть откуда взявшуюся, газету, а кто-то просто сидел и дремал.

Шурка подумала, что в этом подвале люди какие-то не такие, как были в прежнем. Какие-то

более оживленные, что ли. А может быть, тогда они с Верочкой просто не обращали на них внимания? А может быть... Может быть, это потому что война скоро кончится и все будет так же хорошо, как и раньше? И к ним с Верочкой вернутся родители. Эх, скорей бы уж! А Леня? И Леня, конечно, вернется тоже. И они с ним, и с Верочкой, и с родителями пойдут еще раз в парк аттракционов, и заодно в зооуголок...

Мысли ее прервал дикий, нечеловеческий вопль. Шурка вздрогнула всем телом и остановилась. В дальнем углу у стены на коленях стояла девочка чуть постарше нее. Она-то и кричала так страшно. Возле девочки на бетонном полу лежала женщина. Это был та самая женщина, которая вывела их с Верочкой из подвала. Лицо у нее было бледное, лежала она неподвижно. Глаза ее были закрыты. Шурка услышала, как одна из старушек прошептала дрожащим голосом:

– Настигла-таки смерть бедняжечку! Ранило ее, когда в машину садилась. Всю ночь промучилась и умерла. Упокой Господи ее душу!

Шурка ничего не поняла.

– Бабушка, она ведь просто спит! Она потом проснется!

– Нет, деточка, нет! Никогда она уже больше не проснется. Никогда...

От этих ее слов Шурке стало жутко. Она посмотрела на женщину, на бабушку, снова на женину и вспомнила того старика: «Смерти вы тут дождетесь, вот чего!» Смерти! Смерти! В ужасе бросилась Шурка к Хоттабычу и схватила его за рубашку.

– Хоттабыч, ведь она же проснется?! Правда ведь, проснется?!

Хоттабыч хотел ей что-то ответить, но его опередил мужчина с длинными волосами.

– Как же она проснется? Мертвые не просыпаются.

«Смерть... мертвые... мертвые... смерть... умерла... никогда не проснется... никогда!» Шурка больше не могла этого вынести. Она ровно ничего не понима-

ла, но все вокруг были такие серьезные и грустные, говорили такие странные, страшно звучащие слова, что ей вдруг стало трудно дышать, перед глазами все поплыло.

– Хоттабыч, я не могу больше! Уйдем отсюда, Хоттабыч, миленький! Не могу... Хочу к маме, к папе, к Лене!

Хоттабыч крепче прижал ее к себе, взял за руку, и они пошли на свое место...

С каждым днем Шурка чувствовала себя все лучше. Да и не удивительно, ведь добрый старик Хоттабыч делал для этого решительно все, что мог. Он исполнял каждое желание своих маленьких подружек. Он устраивал для них (и для всех желающих) представления с фокусами. Он доставал им какую-то еду. Он каждый вечер перед сном рассказывал им сказки.

– Старик Хоттабыч, послушай!

– Слушаю и повинуюсь!

– Ты волшебник, да?

– Почему ты, о Сашенька, сомневаешься в этом? Разве не исцелил я тебя от болезни?

– Исцелил, конечно, исцелил, спасибо тебе большое! Но я слышала, что говорили бабушки...

– Бабушки? О, эти глупые бабушки! Что они понимают в джинах?

Шурка засмеялась.

– Скажи мне, о Сашенька, чего тебе хочется? Я тотчас же исполню твое желание! Хочется ли тебе игрушку? Или может быть чего-нибудь покушать? Это очень полезно для выздоравливающей после столь тяжелой болезни девочки.

– Ой, нет, нет! – Шурка сейчас же перестала смеяться. – Хоттабыч, миленький, сделай так, чтобы к нам вернулись наши родители!

Лицо Хоттабыча стало печальным. Он непривычно долго молчал. Потом вздохнул и тихо сказал:

– Увы, милые мои девочки, это мне не по силам.

– Как?! – вскрикнула Шурка. – Разве ты не волшебник?!

– Увы, нет. Я самый обыкновенный артист цирка.

Некоторое время девочки молчали, ошеломленные услышанным. Потом посмотрели друг на друга и разрыдались в голос. Хоттабыч не мог этого перенести. Он встал и, пошатываясь, держась рукой за левую часть груди, пошел в конец подвала, утирая рукавом пиджака катящиеся по щекам слезы.

С тех пор он к ним больше не приходил. Его вообще нигде не было видно. Для девочек потянулись тревожные, скучные, безрадостные дни.

ЖИЗНЬ В ПОДВАЛЕ

Обыкновенно, просыпаясь, девочки отправлялись на поиски еды (вернее, отправлялась Шурка, а Верочка ждала ее прихода). Покушать им давали сердобольные женщины, и все, что давали, Шурка приносила Верочке, но та нарочно съедала не все, оставляя часть подруге.

Кое-как утолив чувство голода, девочки начинали придумывать новые игры с плюшевым зайцем, про которого с Хоттабычем вспоминали очень редко. Почти все игры придумывала Шурка, а Верочка только помогала ей настраивать конец игры на хороший лад. Сначала Шурка не обращала на это внимания (пусть подправляет, раз ей хочется). Однако чем дольше она жила в подвале, чем больше слышала взрывов и выстрелов, тем больше сопротивлялась хорошему концу игр.

– Сегодня мы будем играть, как будто на Филю напали охотники, – заявила Шурка Верочке, как только они покончили с завтраком.

Она с удовольствием взяла Филю за уши, прижала к стене, и, сделав злое лицо, рассмеялась:

– Ха-ха-ха, попался! Теперь от нас не убежишь!

Она уже нацелила на Филю воображаемое ружье. Сложила четыре пальца руки в кулак. Указательный палец выставила вперед.

– Ах вы, гадкие, убирайтесь прочь! – закричала Верочка, подбегая к Филе и загораживая его собой. Она посмотрела на Шурку: – Опять ты хотела конец игры плохим сделать! Почему у тебя так получается?

Шурка не знала, почему у нее так получается.

– Теперь давай играть, как будто ты подралась...

– Опять ты хочешь, чтобы я с кем-то подралась?

Ведь это же плохо!

Шурка не выдержала.

– Плохо, да? Говоришь, плохо? А то, что они, те, которые стреляют и разрушают все вокруг, может быть, уже убили наших родителей, это хорошо?! Им, значит, можно, а нам нельзя?!

Это она высказала так горячо и так внезапно, что Верочка вздрогнула. А Шурка заплакала. Тогда Верочка крепко прижала ее к себе, погладила по голове и сказала ласково:

– Ты меня не поняла, Сашенька. Я хотела сказать, что... что слишком много плохого получается вокруг. И у нас в играх, и наверху, у взрослых.

Шурка всхлипнула.

– А что же делать?

– То и делать, что я делаю. Придумывать хороший конец.

– А это поможет?

– Не знаю... Мне почему-то кажется, что поможет.

После этого Шурка больше не предлагала играть в охотников.

Как-то Верочка предложила:

– Давай поиграем в морской бой.

– Это как? Это где убивать надо, да?

– Ой, сразу оживилась! – Верочка засмеялась. – Совсем не обязательно убивать, можно наоборот – спасать. Будем по координатам искать и спасать раненые корабли. И кто быстрее корабли обнаружит, тот и победил.

Шурка согласилась.

– Для игры нужна бумага, поля расчертить.

Шурка тут же вытащила из карманчика штанов мягкий лист бумаги, на котором мама записала все, что хотела купить во время отпуска в магазинах, разорвала его пополам, перевернула чистой стороной, села на корточки напротив Верочки и положила листики между ними на бетонный пол.

– Ручка есть?

– Нет. И карандаша нет.

Шурка огляделась вокруг и увидела в уголке у стены маленький черный камешек, оказалось – кусочек угля.

– А уголек пойдет?

– Конечно, если на стенке рисовать, подойдет, давай его сюда.

Верочка начертила по обеим сторонам выступа в стене (чтобы «соперник» ни в коем случае не имел возможности увидеть поле «противника») два игровых поля, разбила их на клеточки, проставила буквы и цифры. Но на кораблики, к сожалению девочек, уголька не хватило. Тогда корабликами по предложению Шурки стали ладошки.

– Вот и хорошо, – сказала Верочка, – ладошки всего две с каждой стороны, быстро кораблики найдём. Посмотрела на Шурку и добавила с нетерпением:

– Давай, ты первая.

Шуркины глаза блеснули задором. Она крикнула звонким голосом:

– А три!

В это время завывла сирена и раздался оглушительный взрыв. С потолка полетели вниз куски штукатурки. Пыль косым дождем полоснула по лицам людей. Девчонки вздрогнули, оторвали от стены грязные ладошки. Посмотрели друг на друга. Прогремел еще один мощный взрыв. Пол и стены подвала задрожали. Отовсюду полетели камни.

«Наверное, фронт, о котором говорил военный, уже и сюда приблизился, – подумала Шурка и крикнула Верочке: – Ложись, быстро!»

Верочка тут же упала, прижав к себе зайца. Шурка легла сверху, закрыв Верочку и Филю собой. Таким образом Верочка с Филей оказались под защитой. Осколок камня больно ударил Шурку по плечу. Потом осколки посыпались целым потоком, покрывая синяками и ссадинами спину и голову Шурки, взрывы слились в один сплошной гром.

«Ну подождите, гады, я вам отомщу! – почти те-

ряя сознание от боли и ужаса, думала Шурка, — за родителей, за Леню, за себя, за Верочку!»

Снова, как и в первый раз, прибежал в подвал мужчина в камуфляже, снова закричал:

— Граждане! Срочная эвакуация! Покидаем подвал, пока здесь вас всех не засыпало! Осторожно перемещаемся в безопасную зону.

На этот раз никто уже не подошел к Шурке и Верочке, не взял их за руки и не ободрил ласковой улыбкой. С трудом поднялась Шурка на ноги и, подерживаемая Верочкой, направилась к выходу. Одежда на обеих девочках была грязная, измятая. Это и не удивительно, ведь они даже не помнили, когда в последний раз мылись и переодевались. «Куда нас ведут теперь? — думала Шурка. — Неужели опять в подвал? Я больше не вынесу!» Верочка думала о том же.

ЭТОГО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ!

А вокруг опять стонало и гремело. Опять одна за другой разрывались бомбы. До машины, в которую их всех погружали, оставалось совсем немного.

— Давай, Сашенька, давай... Чуть-чуть еще, — шептала Верочка.

Совсем рядом раздался знакомый режущий воздух свист. Верочка остановилась, выпустила Шуркину руку из своей, загородила ее собой и... в ту же секунду, громко вскрикнув, упала на землю. Упала на землю и Шурка, которая держалась за ее плечи.

Когда все стихло, Шурка открыла глаза. Она осторожно поднялась на колени и встала на ноги. Верочка лежала перед ней на животе, раскинув руки в стороны. Рядом с ней валялся ее плюшевый заяц.

— Верка, вставай! — закричала Шурка.

Верочка не двигалась.

— Вставай! — закричала Шурка что есть мочи.

Верочка будто не слышала. Тогда Шурка схватила Верочку за плечи и приподняла. На матросском голубом платице Верочки видны были ярко-красные пятна. Лишь только Шурка разжала пальцы,

Верочка упала вниз лицом. Ужас охватил Шурку. Ей вспомнилась женщина в подвале, слова старушки... Неужели... это случилось? И с кем?! С Верочкой?! Этого не может быть! Не может быть! Шурка чуть не задохнулась от отчаяния. Дико и пронзительно — так же, как та девочка в подвале — она закричала:

— Верочка! Верочка!

Это был первый раз, когда она назвала ее ласково.

К ним подбежали люди. Какой-то парень в камуфляжной форме подхватил Верочку на руки.

— Ее надо скорее в госпиталь на Советской... Это ближе всего.

И парень с Верочкой на руках куда-то побежал. Шурка, быстро подхватив зайца с земли, бросилась было за ним, но другой мужчина в такой же форме взял ее за руку.

— Не бойся, с сестричкой твоей все хорошо будет, пойдем со мной. ■

(Окончание следует)